

Весь мир

ФРЭНСИС БЭКОН

СИРАНО | ДЕНИ
ДЕ БЕРЖЕРАК | ВЕРАС

*Новая
Атлантида*

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2021

УДК 82-94
ББК 84(4)-44
Б 97

Francis Bacon «New Atlantis»
Фрэнсис Бэкон «Новая Атлантида»
Перевод с английского

Savinien Cyrano de Bergerac
«Histoire comique des États et Empires de la Lune»
Савиньен Сирано де Бержерак
«Государства и Империи Луны»
Перевод с французского

Denis Veiras d'Allais «Histoire des Sévarambes»
Дени Верас «История севарамбов»
Перевод с французского

Бэкон Ф., Сирано де Бержерак С., Верас Д.

Б 97 Новая Атлантида/Повести.—М.:Родина, 2021.—320 с.—(Весь мир).

ISBN 978-5-00180-015-6

Утопия – это жанр художественной литературы, описывающий модель идеального общества. Впервые само слова «утопия» употребил английский мыслитель XV века Томас Мор. Книга, которую Вы держите в руках, содержит три величайших в истории литературы утопии.

«Новая Атлантида» – утопическое произведение ученого и философа, основоположника эмпиризма Ф. Бэкона

«Государства и Империи Луны» – легендарная утопия родоначальника научной фантастики, философа и ученого Савиньена Сирано де Бержерака.

«История севарамбов» – первая открыто антирелигиозная утопия французского мыслителя Дени Вераса. Текст книги был настолько правдоподобен, что редактор газеты «Journal des Sçavans» в рецензии 1678 года так и не смог понять, истинное это описание или успешная мистификация.

Три увлекательных путешествия в идеальный мир, три ответа на вопрос о том, как создать идеальное общество!

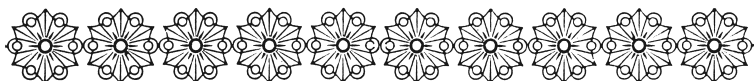
УДК 82-94
ББК 84(4)-44

ISBN 978-5-00180-015-6

© ООО «Издательство Родина», 2021

Фрэнсис Бэкон

НОВАЯ АТЛАНТИДА

Мы отплыли из Перу (где пробыли целый год) в Южные моря¹, в направлении Китая и Японии, взяв с собою припасов на двенадцать месяцев. В течение пяти с лишним месяцев дули попутные, хотя и слабые, ветры с востока; но затем ветер переменялся и много дней подряд дул с запада, так что мы почти не продвигались и порой подумывали о возвращении. Вслед затем, однако, поднялся сильный ветер с юга и юго-запада, отнесший нас (несмотря на все наши усилия) к северу. К этому времени запасы наши истощились, хотя мы и расходовали их бережно. И вот, очутившись среди величайшей в мире водной пустыни, почли мы себя погибшими и стали готовиться к смерти. Однако мы все еще возносили сердца наши и мольбы ко всевышнему, творящему чудеса на водах, моля, чтобы, как при сотворении мира, он собрал воду воедино и явил сушу, так и теперь явил бы нам сушу и не дал погибнуть.

И вот ввечеру следующего дня показалось с севера как бы густое облако, вселившее в нас некоторую надежду на землю; ибо мы знали, что эта часть Южного моря совершенно не исследована, и тут могли оказаться острова и материки, дотоле неизвестные. Поэтому направили мы наш корабль туда, где всю ночь виднелось это подобие земли, а

¹ Т. е. Тихий океан. Из последующего текста очевидно, что остров Бенсалем помещается в Тихом, а не в Атлантическом океане, как по ошибке напечатано в моей вступительной статье к 1 тому наст. изд. В Атлантике находилась Атлантида Платона, хотя так могло называться в его времена все неизведанное водное пространство, лежащее к западу от Гибралтара. Т. Мор, описывая свой утопический остров, видит в нем небольшую часть большого материка Нового Света (т. е. незадолго перед тем открытой европейцами Америки). Бэкон же помещает Бенсалем в «совершенно не исследованную» часть Тихого (Южного) океана. Когда Земля будет изучена, «утопия» переключит в космос.

на рассвете ясно увидели, что это и была земля — плоская на вид и весьма лесистая, отчего казалась темнее.

Спустя полтора часа вошли мы в удобную гавань, служившую портом красивому городу, не слишком большому, но отлично построенному и с моря выглядевшему весьма живописно. Считая каждую минуту промедлением, подошли мы к берегу и уже готовились высадиться. Но тут мы увидели, что несколько человек с жезлами в руках запрещают нам это — не криками или угрозами, но предостерегающими знаками. Будучи немало огорчены, мы стали совещаться, как поступить.

Тем временем направились к нам небольшая лодка, вмещавшая человек восемь; один из них держал жезл из желтого тростника, окрашенный на концах в синий цвет; он вошел к нам на корабль, не обнаруживая ни малейшего недоверия. Увидя, что один из нас выступил несколько вперед, он вынул небольшой свиток пергамента (более желтого, чем наш, и блестящего, но весьма мягкого и гибкого) и вручил его стоявшему впереди. Там начертаны были — на древнееврейском, древнегреческом, на хорошей латыни и на испанском — следующие строки: «Пусть никто из вас не сходит с корабля. И будьте готовы покинуть эти берега не позднее как через шестнадцать дней, если только срок этот не будет вам продлен. А пока, если нуждаетесь в пресной воде, или съестных припасах, или в лечебной помощи вашим больным, или же корабль ваш имеет повреждения, напишите, что вам нужно, и долг милосердия будет нами исполнен».

Свиток скреплен был печатью, изображавшей крыла серафимов, но не простертые, а опущенные книзу; а подле них крест. Вручив нам свиток, чиновник удалился, оставив слугу, которому должны мы были передать наш ответ. Посоветовавшись между собою, мы все же пребывали в большом смущении. Запрещение высадиться и приказ вскоре отплыть весьма нас огорчали. Вместе с тем открытие, что народ здешний сведущ в наших языках и полон человеколюбия, немало нас ободрило. Но всего более порадовал нас знак креста на свитке, как верный предвестник доброго. Ответ наш был составлен на испанском языке: «Что до корабля, то он в исправности, ибо в пути мы испытали без-

ветрие и противный ветер, но не бури. Что до больных, то их у нас много — и очень тяжелых; так что запрещение высаживаться угрожает им смертью». Прочие наши нужды мы отметили особо, добавив, что «имеем с собой кое-какие товары, которые, если угодно будет вступить с нами в сделку, могли бы покрыть наши расходы».

Слуге мы предложили некоторое вознаграждение в виде пистолей, а для чиновника — кусок алого бархата. Слуга, однако, не взял их, едва на них взглянул и отплыл в другой лодке, которая была за ним послана.

Спустя примерно три часа, после того как отправлен был наш ответ, явилось к нам некое, по-видимому, важное лицо. На нем было облачение с широкими рукавами из некой ткани, напоминавшей камлот, превосходной лазурной окраски и более глянцевиной, чем наша; нижнее платье его было зеленым; таков же был и его головной убор в виде чалмы, искусно сделанный, но размером поменьше, чем носят турки, из-под которого спускались локонами его волосы. Вид у него был весьма почтенный. Доставившая его лодка была украшена позолотой; в ней находилось еще четыре человека. За этой лодкой следовала другая, в которой помещалось человек около двадцати.

Приблизившись к нашему кораблю на расстояние полета стрелы, они знаками показали нам, чтобы мы послали кого-либо навстречу, что мы и сделали, пославши шлюпку, в которую сел второй по старшинству из наших начальников, а с ним еще четверо. Когда мы были в шести ярдах от лодки, они велели остановиться и не подходить ближе, что также было нами исполнено. Тут человек, описанный мною выше, поднялся в лодке и громко спросил по-испански: «Христиане ли вы?». Мы ответили утвердительно и безбоязненно, помня о кресте, изображенном в их печати. При этом ответе человек воздел правую руку к небесам, а затем медленно поднес ее к устам (этим знаком принято у них благодарить бога) и сказал: «Если все вы покланяетесь муками спасителя, что вы не пираты, а также что в течение последних сорока дней не пролили крови, будь то законным или незаконным образом, вам разрешено будет сойти на берег». Мы ответили, что готовы принести такую

клятву; после чего один из сопровождавших его (как видно, писец) сделал соответствующую запись. Затем другой из его свиты, находившийся в одной с ним лодке, выслушав сперва своего господина, громко сказал: «Господин мой оповещает вас, что если не вступает к вам на корабль, то причина этому не гордость или высокомерие; но поскольку из ответа вашего оказалось, что на борту много больных, то блюститель народного здоровья распорядился, чтобы держались от вас на расстоянии». Мы отвечали с поклоном, что мы — покорные его слуги; что все, уже сделанное для нас, считаем за большую честь и проявление редкого человеколюбия, но уверены, что недуг наших людей не заразителен. С этим они отплыли; а спустя немного к нам на корабль взошел писец; в руке он держал местный плод, напоминающий апельсин, но цветом скорее алый, чем оранжевый, издававший чудесный аромат. Казалось, он пользовался им для предохранения себя от заразы. Он взял с нас клятву «именем Иисуса и мук его», а затем сообщил, что на следующее утро в шесть часов за нами пришлют, чтобы поместить в Доме чужестранцев (так он назвал его), где мы получим все необходимое как для больных, так и для здоровых. С этим он оставил нас; а когда мы предложили ему несколько пистолей, сказал с улыбкою, что не может дважды получать плату за труды; это (насколько я понимаю) означало, что он получает достаточное жалование от государства. Как я узнал позже, «дважды оплаченными» называют они чиновников, берущих дары.

Рано поутру явился к нам тот самый человек с жезлом, который посетил нас первым, и сказал, что прислан доставить нас в Дом чужестранцев, а прибыл рано затем, чтобы мы имели в нашем распоряжении весь день. «Ибо, если послушаетесь моего совета, — сказал он, — со мной сперва отправятся несколько человек, чтобы осмотреть помещение и решить, как его удобнее приготовить; а там можно послать и за вашими больными и остальными вашими людьми, которых вы желаете спустить на сушу». Мы поблагодарили его, сказав, что бог вознаградит его за заботу о бесприютных чужестранцах. Итак, шестеро из нас сошли с ним на берег; причем он, идя впереди, обернулся и сказал, чтобы мы считали его нашим проводником и слугой. Он про-